

18+

Владимир Узник

УЛИЧНЫЙ КОЛОСОК

Владимир Узник

УЛИЧНЫЙ КОЛОСОК

«Издательские решения»

Узник В.

УЛИЧНЫЙ КОЛОСОК / В. Узник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514943-5

В повествовании предпринята попытка коснуться кратко некоторых событий 19—20-го столетий и судьбы стойкого РУССКОГО НАРОДА в спасении своего ОТЕЧЕСТВА от мертворожденных «идей», химер.

ISBN 978-5-00-514943-5

© Узник В.

© Издательские решения

Содержание

Владимир Узник	6
УЛИЧНЫЙ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	42

УЛИЧНЫЙ КОЛОСОК

Владимир Узник

© Владимир Узник, 2020

ISBN 978-5-0051-4943-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Узник

УЛИЧНЫЙ КОЛОСОК

Синописис

В предлагаемом повествовании предпринята попытка коснуться кратко некоторых событий 19-ого – 20-ого столетий и судьбы стойкого РУССКОГО НАРОДА в спасении своего ОТЕЧЕСТВА от мертворожденных «идей», химер и верований, кои заползли в РОССИЮ с кагалом кочевников без роду и племени от черты оседлости.

В отношении истории, географии, хронологии, быта и наречий точность: не соблюдена намеренно. В тексте присутствуют диалоги: простых людей с простыми; простых с великими; великих с великими. Однако, «величие» заметно тускнеет от суеты земной и жалко куда-то оседает.

Боль и гнев через весь сюжет поочередно проносят старцы-затворники высокородного происхождения. Смиренная прозорливость приоткрывает надвигающиеся несчастья и осмеливается советовать о необходимых мерах в расшатанной ДЕРЖАВЕ: поиски спасения вне ПРАВОСЛАВЕН ведут в никуда; Само собою, буква за буквой впечаталось название описания: АВВА/Отец наиболее почитаемый старец в монашеской среде/.

Автор-ровесник поколению детей войны. Однако, произрастал в сторонке от «эпохи светлого будущего»: не был и «не состоял» пионером, комсомольцем и, тем более, коммунистом. В раннем детстве даже довелось с родителями и сестрой-младенцем посидеть в ГУЛАГе во Владивостоке, хотя отец был инвалидом Отечественной войны, а мать-ветераном тыла.

Тем не менее со временем окончил вузы на инженера и журналиста. Печатался в газетах: «Вперед», «Коммуне», «Гудок». Сотрудничал с писателем Гамовым Н. С. в дорожном ЦНТИ по распространению опытов вождения поездов. Позже опять вернулся к работе машинистом локомотива, но писать продолжал: несколько лет выпускал периодику с названием «Персты» на природно-русских устоях.

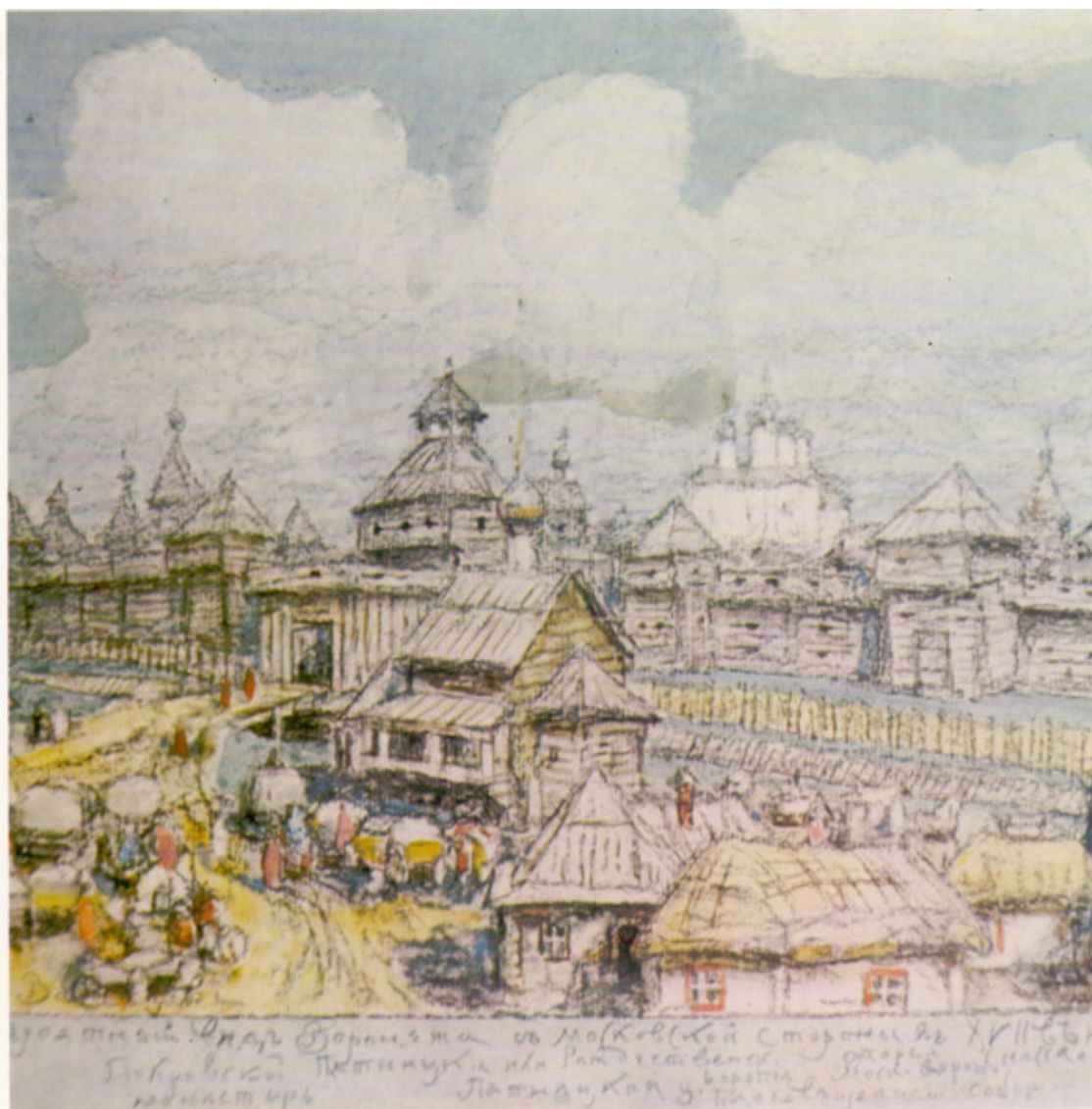
Представляемая рукопись навеяна преддвериями юбилеев Победы и ЮВжд, Она изложена на бумажном носителе в объеме около 450 страниц А4. Вследствие живости «канвы» от разновидности сюжетов проект мог бы дорасти до готового сценария для экранизации в черно-белом варианте. Отрывки документального кино вошли бы органично в общую картину фильма.

Бросая прощальный взгляд на город, не скажем ему: „Прощай!“. Лучше: „До новой встречи!..“

«... Велено поставить город
Воронеж...»
На засечной черте, на крутых
приречных холмах у Воронежа-реки
грозна поднялась крепость, обнесенная
дубовыми стенами, с высокими
четырёхгранными башнями, откуда
зорко глядявались в степь дозорные
стрельцы.
Презградою кочевому разбою встал
Воронеж.

Ныне, кроме приречной Успенской церкви и башни Акатова монастыря, ничто не напоминает о Воронеже того далекого времени. „Воронежское море“ плещется там, где когда-то звонко стучали топоры петровских плотников, где со ступеней, под пушечный салют, сходили брандеры и галеры.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Аминь.

По молитвам Пресвятой Богородицы, Силою Честнаго и Животворящаго Креста Господня, предстательству Святого Архангела Гавриила, Святого Ангела моего Хранителя, Святого Угодника и Чудотворца Святителя Николая и всех Святых, Господь сподобил меня, раба Божия Владимира, благополучно дожить до сего дня, когда годы бегут уже по седьмому десятку.

На склоне своей неровной жизни мой папа Болотин Георгий Петрович (15.02.1919—10.05.1990), обладавший несомненным опытом и даром художественного и аналитического изложения, уделял много времени изучению малодоступных литературных источников, воспоминаний своих родителей, родственников, собеседников, священнослужителей. Это и многое другое позволило ему оставить нам, его детям, внукам, правнукам систематизированные рукописи, может не столь совершенные, и, разумеется, неоконченные.

Неоконченные, потому что московский род Болотиных продолжен, Слава Богу, и по мере способностей и желания потомков, надеюсь, начатое моим папой повествование будет время от времени дополняться.

Помимо родословных и биографических фактов папины сочинения предостерегают нас об опасности исчезновения из Души Истины, чистоту которой донесло до нас русское древнее Благочестие, проще говоря, старообрядчество.

Именно оттуда, из далёкой старины, машут рукой наши московские предки. Следуя незыблемому международному закону, что все однофамильцы произошли из одного РОДА, поищем в истории наших РОДОначальников.

Со стороны папы: Болотины по деду, а также производные Болотниковы, Бол-товы, Бол-тины.

Копыловы (по бабушке), а также производные Копыл.

Со стороны мамы: Кузнецовы по деду, Рулёвы по бабушке, производные Руловы.

По свидетельству выдающегося историка Отечества Соловьёва С. М. упомянутые фамилии довольно известные, крепкие и не последние. Наши предки не были князьями и дворянами, Слава Богу, но и не состояли в собственности крепостными «душами» при оскотинившихся вельможах. Их миновало то неестественное состояние, когда один христианин являлся вещью другого христианина.

В большинстве своём наши предки органично вписывались в московское городское сословие, где в соответствии с законами и способностями каждый свободно добивался доступного положения.

Болотины: Степан, Ефим, Сусанна – владельцы московских суконных фабрик; фабриканты Болотины – владельцы мануфактурных предприятий.

Болотников Иван Исаевич – не побеждённый, а предательски обманутый военачальник, освобождавший Отечество от жидовских самозванцев в смутное время.

Болотниковы – дьяки, чиновники, нотариусы.

Бол-тов Андрей Тимофеевич, писатель, учёный, агроном.

Бол-тины: полковник, сын боярский, дворянин.

Болтин Иван – обер-прокурор Синода.

Болтин Иван Никитич – историк.

О Кузнецовых достаточно сказать, что фамилия наиболее распространённая не только в России, но и во всём мире: производные Ковалёвы, Коваленко, Ковальчук, Ковалевские, Ковальские, Смиты и т. д.

История упоминает успешные кузнецовские купеческие семьи, фабрикантов, казаков, церковнослужителей.

Не пахали «на барина» и Рулёвы, и Копыловы.

Выстраивая исторические факты, Соловьёв старался воздерживаться от комментариев, не внося в них ничего субъективного. Поэтому он поместил в свой труд великое множество сухих выдержек из документов или полного содержания переписки, высочайших повелений государственной важности.

Болотин Степан во времена царствования Анны Иоанновны (1730—1740 гг.) являлся образцовым поставщиком высококачественного сукна для нужд российской армии и Донского казачества.

Злобствующие конкуренты в союзе с влиятельными жидами неоднократно пытались закрыть болотинские фабрики, устраивая пожары, бегство рабочих, выводя из строя станки и оборудование. Но своё достоинство первого суконщика государства Степан никогда

не ронял, и его дело на протяжении веков продолжали потомки и наследники, вплоть до начала 20 века.

Не оставляла Степана и императрица, выделяя из казны на укрепление и развитие болотинского Суконного двора многотысячные займы золотом.

Ещё при Петре I было обращено внимание на распространение суконных фабрик, «дабы армию без вывоза чужестранных российскими сукнами удовлетворить». Фабрикантам давались большие льготы: освобождение их с детьми, братьями и приказчиками от всяких служб и постоев.

Учитывая, что Болотин Степан во времена бироновщины был в преклонном возрасте, то начало его «суконной» деятельности приходится на молодые годы царя Петра. Да и кто, кроме Петра мог послать будущего фабриканта в обучение за границу?

Вынужден дословно привести постановление комиссии надзора за фабриками от января 1741 года: «Комиссия нашла, что надобно учредить над фабриками директоров, которыми в настоящее время могло быть двое: суконный фабрикант Степан Болотин да иноземец Шмит (жид); Болотин В МОЛОДЫХ ЛЕТАХ иностранным языкам научился, в чужие края ездил, а потом занимался купечеством и суконными фабриками».

Так что, дорогие потомки фабриканта Болотина, многие победы царской армии добыты русским воинством и казаками, одетыми в крепкое и тёплое обмундирование от НАШЕГО СУКОННОГО ДВОРА.

Не могу также не привести любопытную переписку о происках жидов и насильственной дискриминации Сената в отношении

нашего предка: «Комиссариат жаловался на негодность (поставляемых) сукон, КРОМЕ БОЛОТИНСКИХ, тогда как плата

(за аршин) производится всем равная, отчего Болотину немалая обида; справедливость требует, цену (за аршин) прочим (поставщикам) понизить, а Болотину повысить. Сенат приказал: Болотину цены не прибавлять, ибо цена определена указом её императрического величества, именно 58 копеек за аршин. Принудить Болотина поставлять сукно по 58 копеек за аршин. Болотину выдать займы без процентов на поправление и усиление фабрики их 30000 рублей, разложив уплату на 10 лет при поставке сукон».

Надо сказать, что становление и развитие фабричного дела во времена Анны Иоанновны поправлялось и находилось в ведении кабинет-министра (по современному—«премьер-министра») Волынского Артемия Петровича.

Документы того времени подтверждают не только почтовое сообщение государственного вельможи с фабрикантами, но и непосредственное общение с деловой элитой России, в том числе и с владельцем Суконного Двора Болотиным. С легкой руки этого величайшего русского патриота царская казна не позволяла жидам разорять национальный промысел и торговлю.

Артемий Петрович в одиночку противостоял жидовско-бироновской своре, истязавшей русское Отечество, и в конце концов сложил свою буйную головушку на плахе. Империя была потрясена БЕСзаконием жидов, курляндцев и чухонцев и вскоре Законная власть разметала этих проходимцев по Сибири и медвежьим углам.

На престоле воцарилась Елизавета Петровна.

О непростой судьбе бесстрашного сановника и покровителя Волынского А. П. увлекательно излагает роман И.И.Лажечникова «Ледяной дом».

В более поздних документах (1749 год) отмечается не кто-то один Болотин, а уже пишут БОЛОТИНЫ, т.е. в суконное дело влилась Московская ДИНАСТИЯ, которая, отодвигая заграничных купцов с их товарами, стала российским монополистом по производству и сбыту

не только первоклассных сукон, но также изделий из шёлка, бархата, грезетов, тафты, лент, кружев, чулок, платков и т.д., то есть всего того, что разносили коробейники за поцелуи по всей женской Руси.

А РУССКАЯ УПРЯЖНАЯ ТРОЙКА, обитая нашим сукном, изукрашенная болотинскими шелками и лентами, и озвученная валдайскими колокольчиками!!!

Слава Богу, мне довелось это видеть и слышать аж в 20 веке.

По папиным рассказам, многовековое болотинское дело подверглось полному уничтожению от «революционных» жидов в 30-х годах прошлого века с формулировкой «раскулачить!»

Происхождение и наречение в Садовом кольце древней московской фамилии родоначальников Болотиных поясняют обстоятельства, связанные с производством сукна. Обработка поставляемой с Дона сырьевой шерсти требовала расхода огромного количества воды. Следовательно, суконные «фабрики» должны были быть как можно ближе «привязаны» к Москве-реке.

Болотная площадь в 1920-х годах (фото).

Кроме того, необходим был тот мелководный участок реки, который являлся бродом военно-торгового пути с Великого Новгорода на Юг Московского царства. Это обеспечивало частичный сбыт товара, не выезжая из Москвы.

Разумеется, сразу предусматривалось дальнейшее расширение фабричного дела и обустройства «рабочих людей», а для этого рядом необходима вольная земля.

Всем этим требованиям соответствовало место, которое и поныне называется Болотная площадь по Болотной набережной с улицей Болотной, хотя позже фабрично-суконный двор занимал даже угол Софийской набережной и улицы Всесвятской. Найти Болотную площадь легко, двигаясь от Боровицких ворот Кремля по Большому Каменному мосту через Москву-реку в сторону Полянки до Малого Каменного моста через Водоотводный канал: здесь, по берегу, и слева, и справа разлеглась Болотная Набережная, а слева перед Набережной утвердилась Болотная площадь. От неё до стен Кремля менее полуверсты. Поэтому, пройдя местную языковую вариацию, наш древний московский род купцов и фабрикантов вошёл в историю с фамилией Болотины.

Название площади дано также народом.

Болотная площадь расположилась по месту старого русла Москвы-реки (старицы), которое время от времени затоплялось и превращалось, говоря житейским языком, в «болото». Только после сооружения в 1783—1786 гг. Водоотводного канала и регулярного

его углубления старица высохла окончательно и стала основательно застраиваться и одеваться набережными.

Предание говорит, что в 16 и 17 веках на Болотной площади происходили кулачные бои, смотреть которые не гнушался сам царь.

М.Ю.Лермонтов подробно и красочно описал народные и царские «забавы» в своей «Песне про купца Калашникова».

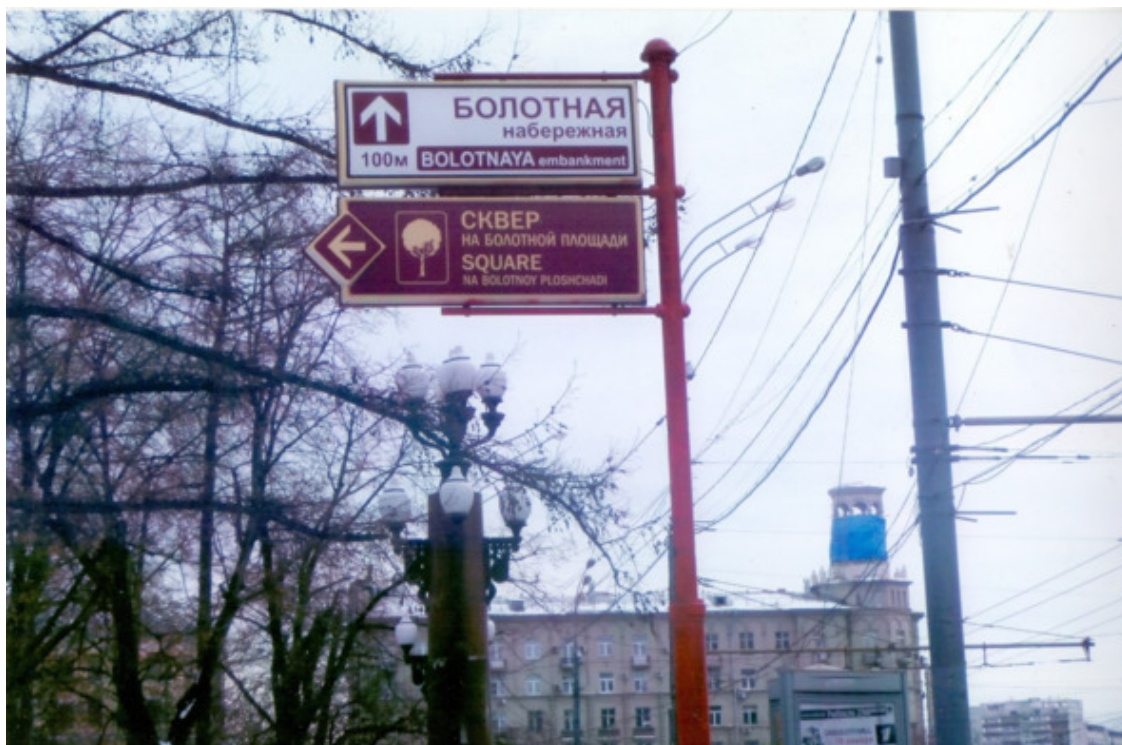
Здесь же и казнили «выдающихся» преступников.

В 1691 году был сожжён на Болоте Андрюшка Ильин Безобразов за умысел на Государское здоровье (Петра I). По другим источникам, стольник Андрей Безобразов был обезглавлен, а сожжены были его «подельники» – два жида-колдуна.

Десятого января 1775 года на Болотной площади казнили самозваного «царя Петра» Емелю Пугачёва со всем босяцким «штабом». Очевидец казни, известный писатель Болотов А. Т. (несомненный наш дальний сродник) в своих «Записках» вспоминал, что он «нашёл всю площадь на Болоте и всю дорогу от неё, от Каменного моста, забитою бесчисленным множеством народа». Пугачев был казнён первым. В самый тот момент пошла стукотня на прочих плахах. Превеликий гул от аханья и многого восклицания раздался тогда по всему несчётному множеству народа».

В 1812 году, «не солоно хлебавши», наполеоновская армия «по Болоту» выдвигалась из Москвы в сторону Калужской заставы, чтобы вскоре на Смоленской дороге рассыпать свои кости.

В 1845 году «Болото» царскими властями было официально поименовано как Болотная площадь.

Хочется привести также некоторые подробности о Большом Суконном дворе, принесшем славу и имя нашим предкам.

Разумеется, обработка шерсти и шкур животных для одеяния и обогрева человека дана была людям Господом Богом ещё в доноевские времена. Русь, накрываясь на полгода холодами, снегами и морозами, усердно занималась скотоводством и совершенствовала своё искусство, утепляясь кожами, шерстью, сукном, войлоком, фетром и т. д. Какая ещё страна могла изобрести валенки и так быстро и умело в них передвигаться? Сырья всегда хватало, так как на обширных волжско-донских степях паслось огромное количество всевозможного скота.

Не простым делом изготовления сукна занимались как в отдельных дворах, так и в кустарных мастерских профессионалы-суконщики. Потребность в кожевенно-суконном производстве постоянно возрастала, не успевая за расширением границ государства.

Очищая Отечество от исламско-татарской коросты, русская армия, ведомая полководцами и даже царями, гнала их за моря и горы. Сохраняя Православную Веру от поганого жидов-

ства, эта же армия вынуждена была сдерживать целую католическую Европу с её «окнами» и «дверями».

Армия множилась и объёмы её потребностей достигли размеров, с которыми могло справиться только государство.

В 1705 году близ Большого Каменного моста «на Болоте» Петр Первый построил государственный Суконный двор-фабрику, поставлявшую сукна для армии.

Объединив купцов-суконщиков в компанию, император передал Суконный двор в 1720 году фабрикантам во главе со Щеголиным

(Степан Болотин в это время обучался за границей крашению сукон).

По возвращении из стран заморских С. Болотин сам возглавил Суконный двор (который сразу писался с заглавной буквы, обозначая значимую для империи отрасль военного обеспечения).

С приходом Степана на фабрике было 50 станов и 588 рабочих. Ко временам Волынского А. П. он значительно расширил и развил дело, доводя количество станов до 169 с 1984 рабочими.

Как особая честь, фабрикантам Болотиным явилось высочайшее повеление именовать их хозяйство в государственном реестре «Большим Суконным двором».

В дальнейшем, в связи с южными завоеваниями России суконное производство стало географически смещаться на Юг, ближе к степям, стадам и овчарням: в Рязань, Елец, Воронеж и другие места.

Часть нашей династии Болотиных продолжила своё призвание в среде Донского казачества. Это подтверждает тот факт, что в составе Правительства Донской Республики в 1918 году в качестве

одного из министров (чуть ли не финансов) был назначен казак Болотин.

Другая часть династии Болотиных, как и многие старообрядцы, упрочила свои деловые качества фабрикантов и купцов в бумагопрядильной мануфактуре, которая мощно развивалась с середины 18 века как в самой Москве, так и в Подмосковье.

Уводя с царских глаз и гильдейного догляда новые промыслы из Москвы «на восход», древнее благочестие оседало за Волгой до Урала и далее. Оставили московский суконный Двор и наши предки. И, как говорится, он пошел «по рукам», окончив печальной участью от динамита советской «архитектуры».

Турецкая война 1768—1774 гг. отрыгнула моровой язвой на Москве. Чума была завезена двусторонними сообщениями столиц с действующей в гнилой «туретчине» русской армией.

Московскую губернию с юга окружили карантинными заставами. В начале 1771 года намеревались обнести и самую Москву палисадником и рогатками. Первые бедствия заразы появились в Лефортове, где сразу умерло 14 человек.

Столичный главнокомандующий граф Петр Семёнович Салтыков был сбит с толку жидовско-медицинским советом и не смог быстро принять надлежащие меры.

Интересен состав преступной комиссии: Эразмус, Шкиадан, Граве, Кульман, Ореус, Мертенс, Риндер, Ягольский и им подобные другие.

К 10 марта в Большом Суконном дворе померло 123 фабричных рабочих, а около 2000, во избежание облавы и карантинной неизвестности, разбежались по Москве.

Покинутый Суконный двор оцепили. Жидовской «молвой» он был облян «чумным».

От такого клейма прославленная фабрика не оправилась и стала медленно хиреть.

Большой Суконный двор, оказавшись во владении случайных бездельников, быстро пришёл в упадок.

К концу 18 века он принадлежал князю Ю.В.Долгорукову и «хозяйство» насчитывало всего 20 станов и 238 рабочих.

В 1840 году Суконный двор как фабрика был ликвидирован, но его постройки сохранялись долгое время и были снесены лишь при сооружении нового Большого Каменного моста в 1937—1938 гг.

В это же время на Болотной площади «вырос» просторный сквер.

Немного хочется добавить к папиным «Запискам» по разделу о старообрядчестве.

В конце 17 века усилиями западных чернокнижников и волею заблудшего патриарха вкупе с царём-большевиком была разрушена многовековая симфония властей: церковной и царской.

Церковной, с уничтожением патриаршества, вообще не стало. Да и царская сохранилась только по названию. Реально заправляла страной жидо-масонская ложа через попавшего к ней в лапы малолетнего царя. Этот «Кукуй» настолько вцепился в матушку-Русь, что до сих пор не допускает русских к управлению Россией.

Да, пусть никого не смущают «русские» фамилии нынешних правящих жидов.

По настоянию пархатого окружения «Мин Херц» был сослан за границу.

В годы отсутствия царя страна растаскивалась и приходила в упадок при бездействии «регента», князя-кесаря Ромодановского

(явно ордынского происхождения). Начатые Петром гонения на «раскольников» продолжались.

Из заморских земель вместо царя вернулся другой человек.

Проживая в немецкой слободе, Пётр долго не являлся к царице-матери Нарышкиной Наталье и к жене – Лопухиной Евдокии.

По Москве пошёл слух, что царя подменили.

Учёное старообрядчество, вникнув в пророчества и погрузившись в числа, огласило пришествие антихриста. Гонения на древнее благочестие усилились с новой силой, даже с применением регулярных полков государства.

Миллионы православных русских вынуждены были покинуть свои многовековые родовые места и спасать свои жизни в местах отдалённых: в Керженских лесах, на Уральских горах, на казачьем Дону, в западном Стародубье, в Молдавии, Сибири и даже за границей. Некоторые втайне сумели остаться в самой Москве и на юго-восточный болотах Подмосковья (в Гуслице). В дальнейшем им удалось собрать крепкие приходы и отстроить старообрядческие храмы на Рогожском кладбище, усердными прихожанами которых были и наши предки из рода Болотиных.

Из гуслицкого Губина выросла наша династия современных Болотиных, о чём подробно в своих записках изложил мой папа Болотин Георгий Петрович.

Однако, национальное несчастье духовного раскола дало невероятные силы удалившейся от крепостного права, но не потерявшей монолитности предприимчивой части русского народа.

Через двести лет старообрядцы подняли национальную промышленность, торговлю, да и всю деловую жизнь России до мирового признания. Они были воротилами всех бирж и ярмарок. Они контролировали мировые цены на хлеб, золото и пушнину. Они были законодателями российской торговли солью, рыбой, сукном, мануфактурой, лесом и т. д. Они помаленьку скупали Россию и со временем съели бы её с потрохами.

Но живя «вне закона», государством в государстве, полагаясь на Божью помощь и при этом употребляя мыслимые и немыслимые, явные и скрытые ходы, хранители древнего благочестия с переменным успехом боролись за свои неотъемлемые права православных русских в российском Отечестве.

И в начале 20 века они добивались соответствующего Высочайшего Закона Государя об уравнивании в правах с официальной «никонианской» церковью.

Однако, наспигованная жидами и обрезными инородцами «Дума» завывла в свою очередь об «уравнивании в правах» диких приматов с Кавказа и террористов из бесноватых «местечек» за чертой оседлости.

Под натиском Думы Царь опрометчиво ласково погладил всех «Манифестом». И еще не высохли чернила под законом, тут же мировое жидовство в качестве благодарности утопило Россию в потрясениях, революциях и войнах, которые продолжаются и до ныне, сто лет спустя.

Вот так дорого обходится для Отечества, когда страной управляет не Богом поставленная законная власть, а выбранные пьяным населением партийные проходимцы.

Местом пребывания маминых предков Господь назначил степной безлесый угол Тамбовской губернии Усманского, а позже Борисоглебского уезда.

По-над рекой Плавица прочно и уместно пристроились села с красивыми наименованиями Пушкино, Ново-Черкутино, и уже позже – поселок Слава. Недалеко пыхтит однопутная «чугунка» Грязи-Поворино. От наших сел до станции Грязи – 40 вёрст, до города Липецка 60 вёрст, до станции Хворостянка – 12 вёрст, до станции Плавица – 8 вёрст, до станции Добринка – 20 вёрст.

Неизвестно, где берёт своё начало речушка с теплым названием Плавица, а впадает она в грязинскую реку Матыра. На правом берегу Плавицы живописно устроилось добротное Ново-Черкутино, на левом – победнее, поселок Слава. Не менее звучные названия прилегающих сел и хуторов: Самара, Салтыки, Ханьки, Борятино, Озерки, Приволье, Отрада и т. д.

Разумеется, в давние времена все эти деревни кишели людом. Даже в моем детстве в каждой избе было по пяти и более ребятишек.

В доколхозных дворах водилось множество скотины, птицы и прочих домашних животных.

Плавица покрывалась огромным скопищем гусей и уток.

Неистошимые окрестные луга кормили огромные табуны лошадей, стада коров и овечьи отары.

Основными строительными материалами для жилья и хозяйственных построек служили саман (на основе глины и соломы) и кровля также из соломы. У хозяев посостоятельнее дома бывали кирпичные (по местному определению – каменные) с кровлей из железа.

В качестве основного топлива применялся кизяк, который изготавливали заблаговременно между делом всё лето. Основой для него служил навоз и опять же солома, которых всегда бывало в избытке. Хлеб и другая пища, приготовленные на степном таганке в русской печке на пламени кизяка, имели невероятный вкус и аппетитную духовитость.

Многочисленные семьи спали во ржи, на русской печи, полатах, широких лавках по стенам или на сене, раскиданном по полу, который чаще всего был земляным.

По себе знаю, от всего такого природного избытка сон был сладким и глубоким.

Вообще, жизненный быт этих мест во многом сходен с укладом казачьей повседневности и бытом казаков.

Однако, тональность общения, языковое разветвление, произношение слов и доля отдельных букв (к примеру Г <глагол>) выделяют новочеркутинцев особо и говорят о том, что село Ново-Черкутино строилось и заселялось единой общиной, вывезенной барином из мест околостолечных.

Известно о деревне Черкутино на границе Московской и Владимирской губерний (по соседству с Болотинскими корнями).

Завезенная с Клязьмы община, видно по всему, была с достатком: большое количество каменных домов под железной крышей, крепкие хозяйства, даже впоследствии устоявшие под ударами сталинских налогов, душистые сады «антоновок» и других истинно русских сортов яблонь, слив, вишни, груши.

Московская хватка, смекалка и оборотистость отличали новочеркутинцев от жителей прилегающих сёл.

Единственное двухэтажное здание школы до сих пор отражает особое попечение селян об образовании и воспитании детей. Немудрено, что многие из них, вырастая, потом легко определялись в городах Тамбове, Воронеже и даже в Москве.

Но заслуженную значимость и завершенность этому селу придавал огромный и суровый Храм, названный в честь Святых Бессребренников Космы и Дамиана (престольный праздник вся округа отмечает до сих пор 14 ноября ежегодно), хотя уже около 80 лет, как Храм уничтожен жидами.

Будучи мальчиком, мне довелось видеть только остатки его развалин.

На фотографии видно, сколь высокую колокольню воздвигли благодарные жители, а мама рассказывала, что звон новочеркутинского колокола докатывался до самого Липецка за 60 вёрст.

Вплоть до «революции» казначеем Храма был Кузнецов Константин Ефимович – мой прадед, а дедушка – Иван Константинович в молодости состоял в нём певчим; помимо всего, хорошо играл на скрипке, а впоследствии его талант развился до оперного певца театров Москвы, приволжских городов.

Он завершал свою оперную жизнь в Ташкенте, в театре имени Алишера Навои.

С этим Храмом тесно связан поучительный эпизод, который неоднократно мне рассказывала мама.

Предварительно необходимо коснуться жидовско-атеистической тактики. Сразу всё разрушить, как обещали жиды, побоялись. К вопросу ликвидации Церкви, как и ко всему остальному, подходили «планово». Первостепенной задачей была «изоляция» Церковной власти: начали «исчезать» митрополиты, епископы, священники.

Приходы обезглавливались, храмы закрывались и погружались в запустение.

Взрослый народ тайком начал молиться по домам.

А красная пропаганда взялась ошпаривать молодёжь безбожием и комсомолом, основным «кайфом» которого были: табак, самогон и тёплые комсомолки.

Пришло время, когда опустел и новочеркутинский Храм. Хозяином в нём оставался сидящий Христос в каменном изваянии.

Как-то от безделья зашла в притвор перегарно-никотиновая «ячейка». Шум и вонь поползли от комсомола по намолённым стенам, иконостасу, росписям. Атеистическому кощунству не было удержу. Один из «членов» за руку «поздоровался» со статуей, другой одел провонявший картуз ей на голову, третий сунул свой слюнявый окурочок в лицо.

Вскоре, если не тут же, каждого настигла кара.

Тело одного из них покрылось чирьями, почернело, а затем догнивало в великих муках. Следующий непонятно утонул в Плавице.

Последний вообще пропал без вести.

Новочеркутинцы своей грамотностью, обстоятельностью, предприимчивостью резко отличались даже от жителей соседних деревень. Культура землепользования, доставшаяся от барина Охотникова, сохранялась у них и в тяжёлые времена жидовско-советской оккупации.

Если в окружающих сёлах на частных наделах земли отсутствовали фруктовые сады, а кроме картошки, проса и ячменя ничего не высевали, то в Новочеркутино сортовые яблони, груши, сливы, культурные кустарники смородины и крыжовника были не тронуты, вопреки налоговому топору, а на подворье, помимо картошки, выращивали вкуснейшие сорта овощных и бахчевых культур. Вообще, по своей плодородности и неистощимости местные чернозёмы превосходят.

Нельзя не отметить особенности бытового общепользования сто лет назад. Полное отсутствие общественных колодцев и бань. Колодцев даже во дворах было мало по причине отвратительного вкуса и неприятного запаха добываемой в них воды. Жили речной плавицкой водой, которую в вёдрах таскали от реки вверх по дворам. Кроме того, сырые берега Плавицы были богаты родниковыми фонтанами. Отдельные родники с огромной внутренней силой помимо воды гнали песок бордово-багряного цвета. Вкус этой воды неповторим, а чай, приготовленный из неё в медном чайнике, отличался тончайшим послевкусием.

Как оказался забытым банный вопрос по обоим берегам реки, я не знаю.

Бань не было ни общественных, ни семейных, ни личных.

Летом местный народ отмывала Плавица, а зимой ограничивались корытным омовением.

Разумеется, этого бывало недостаточно для гигиенических успехов. Борьба с гнидой и вошью велась «спустя рукава», одним только частым деревянным гребешком.

Если папа, Болотин Георгий Петрович, сумел и успел сравнительно подробно описать своих сродников, время, место и жизненную обстановку тех лет, то от мамы, Болотиной (Кузнецовой Валентины Ивановны в девичестве) подобных сведений оставлено крайне мало.

Её папа, мой дедушка – Иван Константинович, с распространенной фамилией Кузнецов, 1893 года рождения, а её мама, моя бабушка – Матрёна Ивановна Кузнецова (в девичестве Рулёва), 1895 года рождения.

Что осталось известным о Кузнецовых?

Папа Ивана Константиновича – Константин Ефимович Кузнецов, мой прадед, крепостным не был. В молодости бедствовал, по найму работал у барина Охотникова.

Роскошный барский сад цел и плодоносит до сих пор на другом берегу реки Плавица, напротив села Пушкино.

Но молодой прадед работал не на земле и не в саду. Он был в большом доверии у барина и состоял при нём в ключниках. Многие годы служил верою и правдою и завоевал хозяйское расположение. Был грамотен и начитан, обладал каллиграфическим почерком. По случаю женитьбы своего ключаря барин Охотников для постройки дома и хозяйственных сооружений выделил ему в избытке номерного смирновского кирпича. Своё имение прадед, Кузнецов Константин Ефимович, выстроил прямо рядом с Храмом, где впоследствии служил казначеем.

Дом, вероятно, стоял бы до сих пор, но жидовский взрыв Храма, видимо, был невероятной силы, и прилегающие дома были снесены. Место постигло запустение, и в дальнейшем там образовался глубокий овраг.

Женат прадед был на некрасивой, но богатой девушке Евдокии. Детей было много, обучены грамоте, знали ноты, пели на клиросе в Храме. Умер ослепшим 76 лет от болезни желудка.

Помимо моего деда Ивана Константиновича, оперного тенора впоследствии, были ещё сыновья: Андрей, Роман и Михаил; дочери Анна и Мария. О дочерях мне ничего неизвестно.

Д. Андрей служил в казаках в Ростове. После гражданской войны оставался там и жил крепко. После расказачивания и раскулачивания подался в Москву «на заработки». В дальнейшем вынужден был осесть на родине и вступить в колхоз. Как-то, на уборке ржи, в обед, лёг отдохнуть под телегу, простыл, заболел жесточайшим воспалением лёгких и вскорости умер.

Д. Роман – работал каменщиком, пел в храме.

Д. Михаил при всей семейной набожности оказался в большевиках партийным. Служил моряком на Дальнем Востоке. Вернулся в Тамбов, получил высшее образование, женился, родилось двое сыновей: Владимир и Александр. Затем был направлен перед войной в Воронеж, где занимал пост одного из секретарей обкома партии. Перед сдачей Воронежа немцам был эвакуирован в Куйбышев (ранее и ныне – Самара), где впоследствии ослеп и умер.

Надо сказать, что ранняя слепота – присущая наследственность рода Кузнецовых.

Со стороны бабушки Кузнецовой (урождённой Рулёвой) Матрёны Ивановны сведений ещё меньше.

Бабушкиного отца, моего прадеда, звали Иваном, мать (мою прабабушку) – Натальей. Оба умерли рано. Были красивые, жили в достатке.

Прадед владел мельницей, служил в Борисоглебском Императорском Банке. У них было много детей. Семейное благосостояние было таково, что прадед Иван глубокой ночью подымал

семью и усаживал за стол, чтобы покушали. Не дай Бог, чтобы кто из детей голодным ложился спать.

Невольно с содроганием вспоминаю своё детство с нуждой и проголодью «развитого сталинизма».

Помимо моей бабушки, Матрёны Ивановны, росли сыновья: Илья, Василий, Владимир; дочери – Ольга, Елена, Анна, Мария (умерла в девичестве).

Из них я видел только двоюродную бабушку Ольгу (все звали «тётка Оля») и двоюродную бабушку Елену («тётъ Лёна»).

Скудные сведения о брате их Владимире ограничиваются только тем, что он участвовал в Первой Мировой войне, попал в плен к немцам и умер в германских бараках.

Другой брат Василий служил урядником. По окончании службы женился и крепко занимался хлебным промыслом: выпекал очень вкусные хлебобулочные изделия всевозможных видов. Особенным спросом пользовались душистые ржаные хлебы и пшеничные плюшки. Необыкновенный вкус складывался от высококачественного местного природного зерна, от особых кирпичных печей и сжигаемых кизяков с соломой. В современном хлебопроизводстве всё, конечно, утрачено. Помимо изготовления, бабушкин брат сам и развозил хлеб, сам же и торговал им.

Как-то осенью, ближе к вечеру, собрался на лошади с хлебом из села Самара в село Озерки. Проезжая мимо кладбища, увидел рядом огненный клубок. Его лошадь принялась дёргать и суетиться, вожжи не помогали. Клубок покатался возле и исчез. Немного погодя явилась белая лошадь. Но вскоре всё пропало. Василий Иванович вернулся домой сам не свой, сильно заболел и через три дня умер, не оставив детей.

Странный случай с ним был и ранее. Однажды он влетел в дом, как запалённая лошадь, на нём, как говорится «лица не было».

– Начали спрашивать: «Что с тобой?»

– С дрожью он ответил: «За мной кто-то гнался!».

Когда разобрались в кругу соседей, оказалось, предметом испуга была его собственная тень.

Оставшуюся сиротой шестнадцатилетнюю Матрёну её крёстный выдал замуж за Кузнецова Ивана Константиновича. Как и полагалось, при разделе Кузнецовского имения, деду было всё дано для постройки собственного дома на Славе: и инвентарь для ведения хозяйства, и скотина.

Молодая была высокая, красивая, статная. Бабушка оставалась такой до старости, и даже тяжелейшая жизнь её не согнула и не изуродовала.

Жених был старше, меньше ростом, рыжий, не красавец, «неважно скроен, но крепко сшитый», как говорится; не спесивый, но с достоинством и благородной осанкой.

В то время 19 века о любви на деревне распространяться было не принято. Не нам гадать и о взаимности. Точно знаю о строжайшем соблюдении бабушкой супружеского закона, верности и преданности с полным осознанием святости церковного брака.

Даже я, малолетний внук, видевший деда в старости, понимал, насколько они с бабушкой разные люди. Но любили, не любили они друг друга, а дети были.

Сына-первенца они назвали Дмитрием, который родился в 1913 году, накануне первой Мировой войны. Глаза мальчика были без зрачков, и о таких тихо говорили: «Не жилец». Позже так и оказалось.

Мне, стало быть в дальнейшем, он был дядей, которого я никогда не видал. Он пропал без вести на фронте в начале второй Мировой войны (Отечественной).

Я же родился в конце её, за месяц до Победы.

Вслед за дядей Митей в 1914 году у дедушки с бабушкой родилась двойня девочек: Катя и Варя, из которых Варвара вскоре умерла. А тётя Катя дожила до глубокой старости, пережив рабское колхозное тягло, отвоевав войну и хлебнув сельских пересудов и нескончаемой бабушкиной ругани, когда она налегке вернулась с фронта матерью-одиночкой, имея на руках завёрнутого в трофейное «что попало» младенца-дочь.

Совместная семейная жизнь бабушки и дедушки была недолгой. Сказывалось различие интеллектов.

Для обнаружения способностей церковно-приходская школа давала много. А государственное устройство при царе даже поощряло дальнейшее развитие у личности малейших задатков к чему-либо.

Неизгладимый культурный след на берегах Пластицы оставила и высшая царская аристократия.

Усманский уезд в 19 веке входил в Тамбовскую губернию, в начале 20 века в Воронежскую, а в середине – в новую Липецкую область, где район и до ныне.

Как и Ново-Черкутино, соседние Салтыки были частью Усманского уезда. Старообрядческое слово «салтык» то же, что и русское понятие «норов».

Видимо, «салтык» и лёг в основу раскидистой династии спесивых Салтыковых. Душевно больная Салтычиха в ограниченности души и ума, но в безграничии жестокости, уморила и убила несколько десятков холопов в своих крепостных деревнях. Омерзение её кровавых утех докатилось до Питера и просочилось в Европу. Начитавшаяся Дидро и Руссо, императрица вынуждена была лишить «боярыню-потрошительницу» прав и состояния, приладив бешеной кикиморе на шейку строгий ошейник и пустив её на короткую цепь.

Салтыки оказались в вотчине не менее многочисленных князей Голицыных.

В расцвете правления императора Николая Первого полторы тысячи салтыковских душ были во владении пажа-недоучки – безусого князя Голицына Юрия Николаевича. Аристократия столичная, российская и европейская во все времена возраста, с детства и до седых волос, звали его просто «Юрка».

Салтыки Юрке достались от матери, урождённой княгини Долгоруковой, которая успела из забитой деревни сделать большое торговое село.

Голицыны не были «рюриковичами». Начало их роду уходит к Гедимину.

Дед и отец Юрки были музыкально-одарёнными вельможами и вознесли певческую культуру в обеих столицах до европейского признания.

Регентско-хоровые таланты Юрки проявились рано в православном хоре пажецкого императорского корпуса. Николай Первый постоянно умилялся возвышенности и стройности пения родовитых пажей.

Во все времена вельможные гои были приговорены талмудом к самоуничтожению: «Лучшего из гоев – убей!». Для этого в смертельный обиход дворянства было вброшено колючее понятие «кодекс чести». Недостигаемая для жидов аристократия, умело обработанная слухами и сплетнями от сионистов, вынуждена была убивать себя в нескончаемых дуэлях. Не помогало даже личное вмешательство императора.

В чреде худосочных предков Юрка вымахал статью в розовощёкого гиганта. Помимо пения, другой его страстью был фехтовальный зал. В дуэлях он был не столько мастеровит, сколь напорист. От первой же царапины Юрка становился неуправляем, и у противника не оставалось путей к спасению.

Терпению Николая Первого пришёл конец, и он сослал Юрку из корпуса в имение Тамбовской губернии. Здесь он быстро освободился от придворной коросты и отдал всего себя хорам: церковному и песенному.

Черноземье до нынешних дней накрыла высочайшая культура хорового пения. По всему краю простецкий князь выискивал голосистых и чутких к нотам детишек, из которых он вырастил великий хор, прогремевший по России и за границам.

В Ново-Черкутинском Храме святых Космы и Дамиана, где Юрка начинал музыкальное просвещение народа, культура и традиции жили до самого разрушения православия большевиками.

Здесь же на клиросе проявился талант и моего дедушки Кузнецова Ивана Константиновича, ставшего впоследствии оперным певцом.

Истинным основателем песенного Воронежского края является князь Голицын, а не самозванцы Пятницкий или Массалитинов.

До правды докопался писатель Юрий Нагибин и отразивший её легко и весело в своей повести «Князь Юрка Голицын», куда я и отсылаю любопытных.

Однако, чувствуется, что сам автор в Салтыках никогда не был.

На стыке 19-го и 20-го веков Царь и Правительство в области законодательства пытались привести Государственные законы в соответствие с Законом Божьим. В области просветительства само собой складывалось направление могущественного народного самосознания. Духовный подъём породил писательско-издательский рост, не счесть, появилось большое количество художников-живописцев, театров, композиторов, артистов, величайших певцов.

Свободный капитал купцов-старообрядцев всё больше оседал в культурном меценатстве.

Духовно-душевные восторги композиторов порождали совершеннейшие шедевры церковного пения, исполнение которого требовало от поющего клира, помимо голосов, высочайшего мастерства.

Чайковский, Рахманинов, Ипполитов-Иванов, Слонов и другие, помимо светской музыки, вкладывали свой талант в упорядочение пения на храмовых хорах, приближая его к ангельскому пению и вдохновляя к тому многочисленных исполнителей из народа.

В некоторых храмах бывали такие дьяконы, от баса которых покачивались паникадила и дрожали свечи на них.

Величайшие певцы того времени обнаруживали свои таланты, прославляя Бога на клиросах.

Басы Шаляпин, Михайлов, теноры Собинов, позже Козловский, Лемешев и многие другие оперные исполнители также начинали на соборных хорах.

Подобная артистическая судьба сложилась и у моего деда Кузнецова Ивана Константиновича, хотя знаменитым он не стал.

После рождения первых детей обнаружилось, что они тоже хотят есть и быть в тепле. Встал вопрос: «Чем кормить семью?».

По причине слабого здоровья и нехозяйского склада характера Ивана Константиновича, после короткого семейного совета было принято решение содержать семью от тех способностей, которые есть. Зная ноты и обладая поставленным тенором, можно было поискать доходов в театральной Москве.

Вскоре дед укатил с поездом Царицын-Москва, пообещав после обретения места и заработка, вызвать жену с детьми к себе. Сначала с устройством дело шло туго, но затем, видимо, не без помощи хороших людей и собственной настойчивости, дед определился в один из театров, и у него начали водиться деньги.

Время от времени он помогал семье, высылая денежные переводы и посылки. Изредка не забывал навещать семью на Славе и отца в Ново-Черкутине. После одной из таких побывок родилась ещё одна дочь Александра, которая, неделю прожив, умерла во младенчестве.

Понемногу положение деда-артиста окрепло, он начал уговаривать бабушку оставить всё обжитое и нажитое и уехать с детьми к нему в Москву.

Вероятно, она в простодушной своей мудрости считала занятие деда чем-то несерьёзным и даже временным, а своё положение при нём – ненадёжным. А потому, полагаясь на пословицу про синицу в руке и журавля в небе, отказалась за ним ехать, не предполагая, какие лишения, нищета, страдания утраты и тяжелейший труд почти в одиночку, уготованы ей до конца жизни.

Но с другой стороны, кто вошёл от неё в земной мир и живущие донныне, должны быть благодарны за своё рождение именно этому бабушкиному решению: не покидать родного гнезда. Иначе у неё была бы другая жизнь, и вместо нас жили бы другие люди.

По воле бабушки всё осталось на своих местах, за исключением того, что по истечении известного срока, 18.02.1921 у них родилась ещё девочка. Её покрестили Валентиной и ей суждено было стать моей мамой и моих сестёр: здравствующих Татьяны и Веры, и умерших: Людмилы и Екатерины.

«Соломенной вдовой» бабушка выхаживала троих детей, содержала дом, хозяйство, землю, скотину, волокла «коллективное» тягло и непомерные большевистские налоги.

По себе знаю, как непросто живётся в детстве от безотцовщины в условиях жесточайшего сельского быта и как сложно, но нужно, не уронить себя в лихом общении с уличными пацанами, хоть ты и ростом меньше, и брюхо у тебя пустое, и помочь тебе некому.

Представляю, как тяжело было дяде Мите с раннего детства впрягаться в изнурительный и непосильный для ребёнка сельский труд.

Основным бабушкиным мотивом, вдохновлявшим к повседневным энергичным усилиям, был мотив: «Не быть сзади и не быть хуже других».

Не сумевшая в учёбе дойти до 7 класса тётя Катя также рано освоила лопату, вилы и грабли.

Жили, «как все», к тому же дед продолжал помогать средствами, хотя по театральной конкуренции вынужден был оставить Москву и перебраться в Нижний Новгород (будущий Горький, где и мне позже довелось водить поезд).

Кузнецовское хозяйство пошатнулось, когда они остались без лошади.

Дедушкин брат дядя Андрей как-то попросил у бабушки лошадь для вспашки. Сделав дело, решил дать ей отдохнуть, привязал кобылу к столбу и оставил без надзора. В результате у этого казака, прожившего с конём всю жизнь, бабушкина лошадь «нечаянно» задушилась.

Для быстрого утешения он тут же пообещал отдать своего жеребёнка.

Однако, с исполнением обещания он долго тянул и тянул бы дольше, если бы вскорости не умер, о чём сказано выше. И остались сироты без лошади и без жеребёнка.

В начале 30-х годов призывной возраст всеобщей воинской повинности обозначен в 21 год.

Дядя Митя, рождением 1913 года, собирался в Армию. В один из «визитов» деда Ивана Константиновича семья приняла решение: вместо временного ветхого сооружения поставить нормальный кирпичный дом. Дед будет помогать деньгами с гонораров, а дядя Митя – строить. Он спешил построить дом до ухода на службу, видимо, предчувствуя, что если он не сделает этого к тому времени, то уже потом семейно-жилищный вопрос не решит никто и никогда. И хотя на качестве постройки ощущалась нехватка средств и времени, особенно в морозные и сырые периоды, хочется и нужно постоянно возглашать к Богу: «Упокой, Господи, душу безвременно положившего живот свой за Отечество воина Дмитрия. И прости ему прегрешения вольные и невольные. И даруй ему Царствие Небесное. Вечная ему память! Вечный покой!».

Этот дом с усадьбой согрел и вскормил род Болотиных и Кузнецовых в тяжелейшие большевистские довоенные, военные и послевоенные годы. От этого дома встали на ноги последующие поколения.

Самому дяде Мите пожить в нём не пришлось, не оставил он и потомства.

В последующем, в нём дожили свой век бабушка Матрёна Ивановна и тётка-фронтовичка Екатерина Ивановна.

Степная наша местность веками находилась в общении с казачьими хуторами и станицами Верхне-Донского округа Области Всевеликого Войска Донского. Издавна мужское население прилегающих сёл проходило «государеву службу» в донских казачьих полках.

Гражданская война, сваренная в пивной голове сифилитика Ленина, должна была истребить дух свободы и воли многомиллионного служилого сословия, обладавшего обширными плодородными землями и вооружённого всем необходимым от жидовского нашествия. Не столько силой, сколь сатанинским словоблудием пархатых упырей, Донская Область была расказачена и уничтожена, как административная территория, которую растащили советские губернии.

В дальнейшем, когда стране вместо танков была навязана ущербная военная доктрина конных армий, в кавалерию набирали новобранцев из потомков разорённых казачьих земель. Туда же по призыву попал дядя Митя. «Кузницей» большевистской кавалерии в то время была Тамбовская губерния, так как соседство Верхнего Дона упрощало набор и обучение кавалеристов из казаков.

Но если при царе казак поступал в полк на своём коне и в собственной полной амуниции, то большевистская кавалерия обувала, одевала нищих призывников и давала «казённую» лошадь.

Даже для толкового и ловкого бойца служба была не в радость, если не удавалось достичь согласия с конягой.

Норовистая, дикая и злая лошадь досталась и дяде Мите, и первое время никаких успехов по службе добиться не удавалось. А когда он начал делить свой паёк хлеба и сахара с конём на двоих, дело потихонечку наладилось.

На многочисленных «манёврах», как называли кавалерийские учения, дядя Митя имел неоднократные поощрения и даже приезжал в отпуск на Славу.

Службу он закончил в звании младшего командира и по спецнабору был направлен на обучение железнодорожной специальности по службе движения, которая начинается, как известно, со стрелочника. По окончании училища его направили на станцию города Пенза.

Надо сказать, что «железная дорога» со времён царя поставила себя в государстве несколько обособленно и была всегда, как сейчас говорят, самодостаточной. Она имела и имеет свои финансы, свой профсоюз, свои медицинские учреждения, свои образовательные заведения, крепкую систему рабочего снабжения и обеспечения: от топлива до пропитания, спортивно-культурные дворцы, залы и стадионы, санитарно-профилактические зоны и многое другое. Почти вся отрасль была защищена «бронью» от призыва в армию и мобилизации на фронт.

Разумеется, и зарплата работников в этой отрасли всегда была и есть престижна.

Длительное время привлекательна была и форма железнодорожника.

После нужды и нищеты, которые сопровождают деревенский труд, дядя Митя оказался на узловой станции, где добросовестный труд предоставлял все блага, которыми в избытке располагала железная дорога.

Начав в Пензе трудовую деятельность со стрелочника, через некоторое время он стал дежурным по станции. Появилась возможность помогать деньгами и посылками матери и подрастающим сёстрам.

Вскоре, после окончания семилетки, он забрал в Пензу младшую сестру Валентину, мою будущую маму.

Мама устроилась счетоводом на военный завод.

А затем вызвали и тётю Катю, которая определилась на элеватор.

Жили они у дяди Мити припеваючи, но недолго. Он женился и молодая сразу же проявила самовластие, а его сёстры ушли на квартиру. Пробыли они в Пензе до конца финской войны.

В короткой заварухе на финской территории, которая при царях всегда была русской, фактически стравили нас и немцев. Немцам нужно было оцарапать русского солдата сверхукреплённой «линией Маннергейма».

Большевикам, дабы обезопасить с севера Ленинград, нужны были финские болота. Ценою замороженных дивизий вместе с болотами прихватили и город Выборг. Так что Отечественная война для этих мест была длиннее на пару лет.

Там естественно проходила железная дорога со станцией в Выборге, фронтовом городе.

Зная методичную и скрупулёзную работу «органов» с кадрами, возглавить отвоёванную станцию случайный человек не мог.

Вот на этот фронт и был направлен дядя Митя начальником станции Выборг. Видимо, это назначение вынудило его стать «партийным».

Уезжая к месту новой «службы», он пообещал маме после устройства забрать её к себе и туда. К этому времени произошёл развод дяди Мити с первой женой, а мама и тётя Катя вернулись на Славу.

Вскоре, уже в Выборге, он повторно женился и вызов сестёр задерживался: мама работала счетоводом в колхозе, а тётя Катя – почтальоном.

К началу Великой Отечественной войны жид Лазарь Каганович втёмную захапал половину реальной власти. В том числе он возглавлял засиженный армией евреев Наркомат путей сообщения, придав этой отрасли статус полувоенной. Он понимал, что вся фронтовая и тыловая стратегия войны ляжет на железнодорожников. И чтоб не быть банально ликвидированным, сионист Лазарь всё своё влияние на вождя употребил для сохранения кадров основных профессий своего Наркомата.

В результате многомиллионная армия транспортников с начальствующими жидами была отодвинута бронью от мобилизации на фронт. Тем более под такой бронью был и дядя Митя, уже служивший в приграничной фронтовой зоне станции Выборг.

И до сих пор никому не удалось выяснить, какая сатанинская сила вынудила его добровольно податься на фронт с самого начала войны, когда миллионы таких или полегли, или угодили в плен.

На единственного сына Дмитрия бабушка Матрёна Ивановна получила жалкий лоскут фронтовой бумаги с пометкой «без вести пропавший». И частенько в темноте она под утро порывалась к окнам.

На мой вопрос: «Ба, ты куда?», она всегда отвечала: «Митя стучит».

Не удержаться от предположений, что было бы, если бы он остался жив...

Наверняка было бы что-то по-другому. Ну, а точно можно сказать только одно: после них вместо нас ныне были бы другие.

Летом 1942 года Воронеж был занят немцами. На востоке области стали накапливаться войсковые резервы и сооружались оборонительные укрепления.

На рытьё противотанковых рвов гнали колхозников обоих полов всех возрастов.

Докатилась мобилизация и до Хворостянского района, куда входила наша Слава.

Тётя Катя была призвана на фронт, а мама мобилизована на укрепление фронтового тыла.

В тыловой «армии» в основном была девчачья молодёжь, многие из которых ростом были гораздо ниже казённых лопат.

Тот домашний паёк, что дала бабушка маме в дорогу, кончился быстро, так как ломовая работа по перекидке земельных кубов требовала достаточного питания.

Советские прохвосты тылового интендантства поначалу кормили ополченцев плохо, затем совсем плохо и потом вообще забыли о них. А вскоре мобилизованные разбежались по своим сёлам, где прятались от сталинского возмездия по погребам и в сеновалах. Но тыловое участие в войне на этом не закончилось.

К 1943 году освобождённая сибирскими казаками Москва окончательно опомнилась от немецкого наступления.

Бросившие столицу и шустро сбежавшие из неё на восток горластые большевики и номенклатурные жида также быстро стали возвращаться из «эвакуации» поближе к Арбату.

Отожравшись и обогревшись, «аппарат» и «органы» спешили обустроить себя комфортно, требовавшим народного и электрического напряжения.

Восстанавливалась Каширская электростанция и наращивались мощности Шатурской.

Если Каширская станция вырабатывала электричество на тульских серых углях, то Шатурская была спроектирована для работы на торфяном топливе от окружающих необъятных болот Мещёры.

Обширнейшие топи необходимо было предварительно осушать. Так как нужной техники ещё не существовало, тяжелейшие и губительные для здоровья работы предстояло вручную выполнять людям.

Тронутое сифилисом мышление вождей решило мобилизовать на торфоразработки цветущую женскую молодёжь. Правящие жида сознательно убивали в ледяной мещёрской жиже десятки тысяч славянских красавиц: во-первых, надо было выполнять «задание партии и правительства»; во-вторых, косвенно «подтягивался нарушенный войной баланс женского и мужского населения»; в-третьих, дополнительно самокорректировалось воспроизводство русского народа, рост которого всегда беспокоит глобальный сионизм.

Почти все девчата 1920—25 годов были собраны со всего славинского села и под ружьём сосланы на торфоразработки в Орехово-Зуево Московской области. В их числе была и моя мама.

Организация быта была Гулаговской.

Девушки жили большими партиями в низких бараках. Постоянно бывало холодно и сыро из-под полов, не спасавших от болотного дыхания. Дырявый туалет в отдалении. Никаких

условий обрести в казарме подобие собственного «гнёздышка», чтобы «почистить пёрышки». Работали от темна до темна, стоя по грудь в ледяной воде. Выдаваемая резиновая и прорезиненная «спецуха» ещё более усиливала пронизывающий до костей озноб. Одежда постоянно была сырой, так как высушить не успевала. Холод заставлял усердно работать лопатой, грабаркой, кайлом, путейским молотком.

Вся сеть торфяных узкоколеек, которая жива до сих пор, уложена не революционными корчагиными, а реальными девчатами, страшный конец жизни некоторых из них довелось мне увидеть.

После тяжелейшего дневного труда они замертво падали в бараках не емши, не пимши, не раздевши, не мывши. Спешили согреться от болотной стылости.

Вскоре настырно начинала одолевать малярийная лихорадка, которая в местном населении присутствовала генетически. Изгонять её пытались вином.

Под вином на пьяной Мещёре подразумевалось два вида: белое – спирт и водка, а красное – всё остальное.

Понимая, что их женское предназначение похоронено безвозвратно, некогда одарённые, здоровые, недоступные красавицы, кровь с молоком, пускались во все тяжкие с пьянством, табаком, распутством, женскими болезнями. За короткое время наступало полное растрение: и физическое, и нравственное.

Целые бараки превращались в притоны.

По стране быстро распространялось тяжёлое понятие: «торфушка», т.е. женщины, беспрепятственно и безнаказанно доступной, даже для подростков. Бывало, что похмельная красавица просыпалась облепленной страстными малолетками, как блохами.

Начальный пример безнравственного обращения с девицами подавал административный «комиссариат», ну, а полное падение довершала их «система».

«Система» заключалась в следующем.

Вся карающая машина «развитого социализма» не уклонилась от царской «владимирки»: она находилась строго на востоке от Москвы.

Лагеря Гулага составляли восточный архипелаг общегосударственной советской каторги. В той «зоне» половина русского народа была окутана колючей проволокой. Туда позже, будучи участником и инвалидом Великой Отечественной войны, замели и моего папу – Болотина Георгия Петровича.

Оторвили, отвоевавшие и отсидевшие по многим статьям УК, кроме 58-ой, сознавали, что «масть» в нищем Союзе может прожить только Москвой.

Однако, вчерашнему эку столица отмерила 101 км приближения, с запретом проживания в ней.

Огромная орда «откинувшихся» и бежавших «воров» и «вертухаев» разбухала на границе Московской и Владимирской областей, т.е. в Орехово-Зуеве, который быстро превратился в советский Чикаго.

Эта подмосковная «малина» «промывала» от денег и багажа упакованных пассажиров пригородных электропоездов, следовавших до Москвы или обратно. Частенько случалось, когда севший в поезд столичный «интеллигент» в очках, при барахле и с портфелем, попал в компанию вагонных попутчиков, невинно коротавших дорожное время в картёжного «подкидного». По известному «сценарию» случайные «соседи» его тут же прислоняли к игре «на интерес» и, спустя короткое время, «доходный» гражданин вылетал из вагона на перрон какой-нибудь промежуточной станции в одних трусах в лучшем случае, а в худшем – вываливался вообще голым где-нибудь посреди перегона.

Благо, дверей в то время в электричках автоматических не было.

Но основной «кормилицей» для блатных была конечно Москва, с её вокзалами, рынками и городским транспортом.

Добыча сливалась в ореховские притоны, «красивая жизнь» которых становилась ярче от присутствия женщин, недостатка в которых здесь никогда не было.

Помимо «торфушек» в Орехово-Зуеве испокон веков основное женское население составляли потомственные ткачихи.

В 19-ом веке силою отеческих законов русских царей и старательской настойчивости российских заводчиков, купцов и фабрикантов империя совершила огромный скачок в своём развитии, который не снился даже Петру Великому.

С развитием железных дорог и речного судоходства в центральных губерниях, опираясь на их густонаселённость, как на дрожжах, стала размножаться многообразная промышленность, в том числе и ткацкая мануфактура. Сырьё для неё легко доставлялось из среднеазиатских владений России.

Хлопок по Каспию, через Астрахань, вверх по Волге прибывал на Нижегородскую ярмарку, а оттуда опять же по Волге, или Оке, или Клязьме уходил в Иваново-Вознесенск, Шую, Павлово-Посад, Орехово-Зуево, Ликино-Дулёво и другие города.

Как уже я упоминал, данная местность, покрытая лесами и болотами, нормальными пахотными землями не располагала.

Поэтому мужское население утекало на близкие заработки в Москву, и ткацкое производство изначально стало уделом женщин и девушек из окружающих сёл и деревень.

Два подмосковных села Орехово и Зуево фабриками Саввы Морозова были объединены и превратились в ткацкий городок Орехово-Зуево, с замоскворецким укладом жизни, бытом, языком и предприимчивостью.

При царе временного ничего не было; всё строилось на века и добротное, в чём мы убеждаемся и доньше.

Для сравнения возьмём жильё, где жили сталинские «торфушки» и морозовские ткачихи.

В отличие от могильно-гнилостных сараев тружениц «торфяного тыла», о которых сказано выше, фабричные ткачихи при царе жили в добротных 2-х, 3-х этажных кирпичных домах, называемых казармами. Красиво и функционально построенные дома целы и невредимы до сих пор и являются престижнейшей в жидовском кругу барыжников русской недвижимостью.

Наши родственники в Ликино-Дулёво, потомственные мануфактурщики, долгое время жили в подобном доме, и мне в 60-х годах довелось бывать в такой «казарме».

Мой дядька, Владимир Петрович Болотин с семьёй из 3-х человек (он, жена Клавдия и сын Евгений) занимал комнату площадью около 25 квадратных метров. Кирпичные стены толщиной до метра. Потолки высотой более 3-х метров. Два окна до потолка. В комнате антресоли, составляющие 2-ой этаж комнаты, где располагались шкафы, кровати, тумбочки. Простор, тепло и свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.